

Чжэн Бо произнес спокойно: «Та старуха Чжу растила дочь блудницей, что само по себе противозаконно. Ссылка в Чжаочжоу или Лючжоу была бы ей по заслугам. Эрнян же сослала их всего лишь в Цзинчжоу — это уже проявление снисхождения. На что мне жаловаться?»

Почему-то в тот момент мне стало жаль того человека. Я отложила заранее подготовленные слова и спросила: «После нескольких месяцев, проведённых вместе, неужели вы, князь, не чувствуете никакой привязанности?»

Он с недоумением посмотрел на меня, несколько раз собирался что-то сказать, но медлил. Наконец вздохнул и протянул руку, чтобы взять мою: «Если Эрнян и вправду искренна, давай не будем вспоминать прошлое. Мы муж и жена... давай с этого дня жить в мире и согласии.»

Я поспешно отдернула руку. Испуг выбил из головы все заготовленные речи, и слова полились сами собой: «Вы меня не поняли. Я затеяла этот разговор, чтобы сказать вам вот что: на днях придворный лекарь осматривал меня и сказал, что болезнь сердца не прошла, и детей у меня быть не может. Я подумала... если вы согласны, я официально подберу вам несколько наложниц. После этого вы поселитесь в западном крыле, а я — в восточном. Мы не будем мешать друг другу...»

Его лицо постепенно потемнело. Спустя долгую паузу он промолвил: «В супружеской жизни есть способы рожать детей, а есть способы... чтобы их не было.»

Я ответила: «Я не хочу.» Конечно, я могла бы подробно растолковать ему, что в наше время нет по-настоящему надёжных способов избежать зачатия, но в итоге выбрала самый прямой ответ. Боясь, что он продолжит уговаривать, поспешно добавила: «Я обещаю вам: впредь буду заботиться о старших в семье, опекать младших — как полагается в знатном роду. Вашу карьеру я тоже устрою. Вы ещё молоды, только вступили на чиновничью стезю, придётся несколько лет послужить в низших должностях. Но если проявите себя, переход в Ведомство чинов или Ведомство подворий не составит труда. Если не захотите работать в ведомствах, можно перейти в Приказ Тайчан, Приказ Тайфу или Приказ Цзунчжэн — стать там старшим или младшим советником. Ваш род Чжэн — тысячелетняя знатная семья, но в последнее время слава его померкла, остался лишь почёт без влияния. Если вы не станете вмешиваться в мои дела и мы будем жить как пара напоказ, в ладу и согласии, не совершая ничего, что могло бы опозорить мой статус, — я помогу продвинуть ваших родственников, увеличу родовые земли. И не стану, подобно иным принцессам, позорить вашу фамилию. Разумеется, если вы всё же не согласны, можете подать прошение о разводе — я не стану удерживать. Но имейте в виду: разведясь, вы навлечёте немилость Матушки и Императора и на себя, и на семью вашего брата. Подумайте хорошенько.»

Он пристально посмотрел на меня: «Скажи мне, Эрнян... в твоём сердце есть кто-то другой?»

Я замешкалась на мгновение, но в конце концов слегка кивнула.

Он резко запрокинул голову. Когда взгляд его снова упал на меня, лицо было белым, а края глаз покраснели. Ответ прозвучал неожиданно быстро: «Хорошо.»

Первые несколько дней после этого Чжэн Бо пребывал в необычайном молчании. У него было несколько друзей-однокашников, да и в роду находились близкие братья. Раньше он, хоть и не шатался по пирушкам, но время от времени встречался с ними. Теперь же он лишь ходил из департамента домой да обратно, никуда не выходя, разве что сопровождал меня на приёмы. Дома тоже забивался в свои покои.

Матушка объявила, что посетит моё поместье, но сначала отправилась к У Чэнсы и лишь потом

заехала ко мне. Я, естественно, устроила пышный пир, но Матушка просидела всего полчаса. Зато тут же одарила меня множеством вещей: кроме обычных золотых и серебряных изделий и шёлковых тканей, были ещё десять мужских и десять женских одеяний, а также орёл и ястреб, две охотничьи собаки, два комплекта охотничьего снаряжения. Кроме того, множество мужских головных уборов и поясов, женских диадем и подвесок.

Я заметила, что подношения эти необычны, и в приватной беседе осторожно спросила Матушку, но она не стала объяснять, лишь улыбнулась: «Вижу, ты сильно преуспела в верховой езде и стрельбе из лука. Продолжай упражняться, а когда потеплеет, возьму тебя на охоту.»

Я не то чтобы поняла, не то чтобы нет, но недоумение моё длилось недолго. Двенадцатого февраля, когда вся столица завершала последние приготовления к празднеству в честь дня рождения Матушки, из дворца вдруг пришёл указ: мол, Императрица не желает тратить казну на пышный пир, и Император, вняв её воле, повелевает, дабы в нынешнем году торжество в честь дня рождения Императрицы было скромным — лишь в Парке Шэньду, во Дворце Мин-дэ, соберутся на угощение прибывшие в столицу члены императорского клана и высшая знать. Остальным же чиновникам и жёнам велено воздать поклоны у ворот дворца. Также повелено на год освободить от податей округ Бин, а всем подданным империи старше восьмидесяти лет пожаловать по связке монет, куску ткани и цзиню мяса. Таков был публичный указ. А посланный из дворца гонец принёс более конкретное изустное распоряжение: поскольку праздник пройдёт в императорском парке, в тот день состоятся охотничьи состязания, и всем участникам надлежит иметь при себе подобающее снаряжение. Победители и те, кто добудет больше дичи, получают награды.

Такой указ не был беспрецедентным: в прежние годы, если день рождения Матушки выпадал на неурожай, пиры тоже сокращали и раздавали милости народу. Но на сей раз распоряжение обнародовали так внезапно, что оно не могло не вызвать пересудов. Впрочем, какие бы толки ни ходили, день уже настал, и оставалось лишь повиноваться. Посему на рассвете тринадцатого февраля Чжэн Бо, взяв множество охотничьих орлов, рысей и псов вместе с их дрессировщиками, пышной процессией отправился со мной в императорский парк. Там мы увидели, что все столичные родственники и знать, от циньванов, их жён, принцесс и их мужей вниз, пусть и выстроились отдельными рядами, но собрались в одном месте в ожидании аудиенции. Члены семей У и Ян, а также отпрыски знатных и приближённых родов тоже стояли в ожидании.

Я простояла среди принцесс недолго, как зазвучала музыка: Матушка и Ли Дань восходили на трон в центральном павильоне. Указ гласил, что будет семейное празднество, неформальный пир, но судя по сегодняшней обстановке, разве что одеяния попроще да гостей поменьше — в остальном всё напоминало придворный приём. Церемониймейстеры ввели нас для поклонения. Мой ряд оказался в самом конце среди принцесс. Поднявшись после поклона, я увидела наряд Матушки и тут же перепугалась: и Матушка, и Ли Дань были облачены в императорские охотничьи одеяния и восседали на центральном троне. Охотничий наряд полагался Сыну Неба для военных смотров, походов, облав и больших стрельбищ. Договорились же об охоте и забавах — почему вдруг всё превратилось в обряд стрельбы из лука?

Матушка явно напугала многих: в нескольких рядах поднялся сдержанный гул пересудов. Глашатаи призвали к тишине, и шум стих. Я украдкой огляделась: несколько старших циньванов переглянулись. Первым выступил вперёд князь Хо, Юаньгуй: «Осмелюсь спросить, Императрица.»

Матушка с улыбкой подняла руку, давая разрешение, и он осторожно промолвил: «Охотничий наряд — одеяние для военных походов и больших стрельбищ. Ныне же пир семейный, и все мы

явились в обычных одеждах. Почему Императрица облачилась в сей парадный наряд?»

Матушка улыбнулась: «Вы все — отпрыски императорского рода, опора государства. Вам вверено охранять страну и управлять народом. Ваши гражданские и военные дарования — основа благополучия державы. В прежние годы, при жизни покойного императора, по веснам часто устраивали охоты, дабы проверить вашу воинскую сноровку. Ныне, хотя он и отошёл в мир иной, заветы его живы. Сын Неба ещё юн, и мне надлежит от его имени проверить ваши навыки верховой езды и стрельбы. Посему я надела сей наряд, дабы подчеркнуть важность сего действия. Вы же должны приложить все силы, дабы не разочаровать ни Сына Неба, ни меня.»

Как только было произнесено имя «покойного императора», Юаньгуй умолк. Он поклонился и молча вернулся на место. Будучи сыном императора Гао-цзу, он пользовался великим почётом, и если даже он не посмел возразить, остальные члены клана и вовсе притихли. Увидев, что более никто не дерзает высказаться, Матушка слегка улыбнулась. Церемониймейстер огласил множество положенных слов, суть которых сводилась к следующему: дабы восславить воинскую доблесть предков и не забывать о военном деле, в день рождения Императрицы в северном павильоне Дворца Мин-дэ будет совершён обряд стрельбы из лука. Императрица совершит первый выстрел вместо Сына Неба. Среди членов клана мужчины будут стрелять, а женщины — играть в тоуху, дабы явить важность военной подготовки.

Члены клана переглядывались. Боясь гнева Матушки, никто не смел возразить открыто, но когда пришло время поклониться и ответить, движения их были нерешительны, а голоса — неуверенны. На лице Матушки мелькнуло неудовольствие. Она приподняла брови: «Князь Ци полагает сие неуместным?»

<http://bllate.org/book/16278/1467194>